

Конференция «Извлекаем ли мы уроки из истории? Культура памяти как путь к европейскому взаимопониманию», Варшава, 27.10–30.10.2016
Организатор: Международный образовательный центр в Дортмунде (IBB Dortmund)

Развитие украинской культуры памяти после 1991 года*

Ярослав Грицак, профессор Украинского католического университета

Вместо вступления: некоторые особенности украинской ситуации

Я должен говорить об исторической памяти в Украине. Сразу признаюсь, что не слишком люблю говорить на эту тему. И я не один такой. До сих пор я не встречал ни одного профессионального историка, который не относился бы к исторической памяти без определенной меры идиосинкразии.

Причина простая: историческая память – это не история. Историческая память – это искажение истории. Как писал Эрнест Ренан (передаю его слова в несколько вольном изложении), «неправильное понимание истории является базовым условием существования нации». Иными словами, если бы историческая память соответствовала истории, мы все перестали бы существовать как нации.

Мы, историки, являемся свидетелями того, как даже в нашей профессии историческая память вытесняет историю. В какой-то мере это означает капитуляцию исторической науки – надеюсь, однако, что временную.

Конечно, глупо было бы выступать против исторической памяти как общественного явления и строить свою академическую карьеру на деконструкции мифов, из которых состоит эта память: ведь она по определению должна быть мифологической. Но я считаю, что в наших странах – в Польше, Украине и еще больше в России – есть определенное пресыщение мифами. Мы отравлены своим прошлым и не преодолеваем его. Из-за этих обстоятельств историческая память становится болезнью, которую надо лечить. И историки должны исполнять роль хорошего доктора. А доктор не должен любить болезни – он должен их лечить.

Особенно трудно говорить об Украине. Это исключительно сложный случай – не в смысле степени «отравленности» исторической памятью, а в смысле сложности ситуации. Я хочу обратить ваше внимание на две очень хорошие книги. Первая – *Twenty Years After Communism: The Politics of Memory and Commemoration* (Oxford University Press) под редакцией Яна Кубика. Это сравнение исторической памяти в посткоммунистических странах. В ней есть определенное подразделение этих стран на группы в соответствии с тем, как функционирует там эта память. Кубик считает, что Украина не относится ни к одной группе. Украина – это отдельный кейс.

Вторая книга – *Borderlands into Bordered Lands: Geopolitics of Identity in Post-Soviet Ukraine* (2010) Татьяны Журженко, харьковской исследовательницы, живущей в Вене, об исторической памяти в приграничных областях. В частности, она сравнивает Харьковскую область в Украине с Белгородской областью в России. Области очень похожи по культуре, языку. Но если по одну сторону границы историческая память монолитная, то по другую – в Харьковской области – ситуация совсем иная: здесь сосуществуют различные исторические памяти, и ни одна из них не доминирует.

Эти книги помогут понять, насколько отличается случай Украины и насколько он сложен. Поэтому, как бы я ни хотел, я не могу отобразить все интересующие моменты в одном выступлении. Как следствие, я выбрал только одну тему, один фокус: я буду говорить о дискуссиях вокруг Бандеры, которые ведутся в Украине и за ее пределами, и покажу на этом примере, как выглядит историческая память и политика в Украине.

* Текст выступления отредактирован и дополнен автором.

Начну с личного эпизода. Около двух лет назад я встретился в варшавском аэропорту с историком Яном Гроссом. Он возвращался из Москвы и, увидев меня, сказал примерно следующее: «Представляешь, до чего дошел мир, – я, американский профессор, поляк еврейского происхождения, выступая в Высшей школе экономики, вынужден был защищать Бандеру перед российскими профессорами и студентами».

Вы можете верить или не верить мне. Не уверен даже, что Ян Гросс воссоздаст этот эпизод в той же версии, в которой изложил его я: как-никак, личная память очень изменчива и на нее тяжело полагаться. Но я могу сослаться на другой, похожий, эпизод. В 2014 году в *Jewish Review of Books* была очень интересная дискуссия. Костка (Константин) Герберт, очень активный во время «Солидарности» и лидер польских евреев сейчас, написал статью, которая вызвала резкий ответ профессора Довида Каца, преподавателя идиша из Вильнюса. Главной темой дискуссии было – можно ли симпатизировать украинцам и поддерживать их политические устремления, если они считают Бандеру своим национальным героем? Костка Герберт утверждал, что можно и нужно.

Мое дальнейшее выступление будет состоять из трех частей:

1. Кем был Бандера – поскольку я предполагаю, что не все в нашей аудитории имеют о нем четкое представление.
2. Бандера в исторической политике и общественном мнении Украины в 1991–2013 годах.
3. Образ Бандеры после Майдана и российской агрессии в Украине.

Кем был Бандера

Степан Бандера родился в 1909 году в тогдашней австрийской Галичине (Галиции), которая после краха Австро-Венгерской империи была частью польского государства в межвоенный период (1919–1939), а потом СССР (1939–1991), с перерывом на немецкую оккупацию в 1941–1944 годах. Он родился в многодетной семье деревенского греко-католического священника. Такие священники долгое время были среди украинцев единственной интеллигенцией. Очевидно, они не были гомогенной группой. Скорее, наоборот. Существовало такое выражение: «Що попик, то типик» – «Что ни священник, то (другой) тип». В воспоминаниях встречается утверждение, что были даже священники-атеисты.

Бандера относился к поколению, представители которого родились перед Первой мировой войной или во время нее. В начале 1930-х провели исследование этого поколения. Оно показало, что молодые люди того времени были свидетелями, как насиловали их старших сестер, убивали старших братьев, друзей вели на расстрел и так далее. Насилие было формирующим опытом этого поколения.

Через деревню, в которой родился Бандера, линия фронта прошла трижды. Он рано потерял мать. Отец служил капелланом в Украинской Галицкой армии и после поражения в польско-украинской войне за Галичину вместе с ней перешел в Восточную Украину (или, как тогда ее называли, Большую Украину), а после поражения уже там возвратился домой. Горечь и унижение от поражения, с одной стороны, и революционная романтика, с другой, стали также формирующим опытом этого поколения.

Это были люди без будущего. Галиция была аграрным и сравнительно бедным краем. Единственной надеждой на работу в то время являлась государственная служба. Найти работу не поляку и не римо-католику практически не представлялось возможным – тем более украинцам из-за острого польско-украинского конфликта. Определенную часть этого поколения составляли так называемые «вискоки» – студенты, которые учились, но недоучились. Нередко главным университетом для них была тюрьма. О политике тогдашней польской власти в отношении национальных меньшинств историки говорят: это было хуже, чем преступление, – это была глупость. Вместо того чтобы сблизить

поляков, белорусов, евреев, украинцев, проводилась жесткая политика, которая отторгала их от государства.

Это молодое поколение не имело опыта парламентской демократии и развитой партийной жизни, характерного для позднего австрийского периода и очень важного для старшего поколения украинцев. В связи с отсутствием такого опыта идея политики как искусства возможного и компромиссов была им чужда. Именно компромиссность политики старшего поколения они считали главной причиной поражения национальной революции. Если довоенная украинская политическая мысль была главным образом леволиберальной, то в межвоенный период она сделала резкий «поворот направо». Идеология интегрального национализма стала особенно привлекательна для молодых людей.

Их привлекал также пример национал-социализма и итальянского фашизма, хотя их отношение к Гитлеру и нацизму не было однозначным. Они ставили вопрос о коллаборации с Гитлером в зависимости от того, насколько он мог удовлетворить их требования о создании независимого украинского государства. Поэтому, когда Гитлер дал «зеленый свет» венгерскому правительству оккупировать так называемую Карпатскую Украину – бывшую территорию Чехословакии, которая после Мюнхена 1938 года провозгласила сначала свою автономию, а потом независимость и в которую массово перешли молодые украинские националисты с Галичины, – они к нацистской Германии очень охладели. Это, однако, не мешало им сотрудничать с абвером в преддверии войны, а сам Бандера даже после своего ареста летом 1941 года (о чем пойдет речь далее) не исключал возможности сотрудничества, если Гитлер изменит политику в украинском вопросе.

И последнее: одним из главных инструментов ассимиляции национальных меньшинств в Польше межвоенного периода была официальная образовательная политика, которая, в частности, состояла в насаждении культа польских национальных героев в школе и гимназии. Молодые украинцы очень сильно чувствовали дефицит собственных национальных героев и стремились сами ими стать.

Это было особенно характерно для Бандеры. Он был очень маленького роста и в детстве страдал от разных болезней. Бандера старался преодолеть свои комплексы, сознательно готовясь к борьбе и к тому, чтобы возглавить ее (стать «вождем»). Он даже истязал себя – для подготовки к будущим возможным лишениям.

В 1929 году возникла Организация украинских националистов (ОУН). Ее создало старшее поколение. Бандера же возглавил молодежь ОУН, которая начала бунт против старших. Молодые называли их кабинетными националистами. Большинство представителей последних жило в Праге, Женеве, Вене или Берлине, и они были действительно оторваны от того, что делалось в стране. Молодое поколение считало, что Организация украинских националистов должна перейти к политике активного террора и стала сама проводить ее в начале 30-х годов. Статистика показывает, что большинство жертв этого террора были не поляки и не евреи, а главным образом украинцы – те, кого молодые националисты считали либералами или готовыми к компромиссу. Шла борьба за власть именно в украинском обществе. Кроме того, Бандера и его друзья сознательно хотели террором и вызванными им правительственными репрессиями уничтожить какие-либо возможности для легальной политической работы и загнать украинское общество в подполье.

Наиболее важным стало убийство министра внутренних дел Польши Перацкого в 1934 году. Бандера организовал это убийство и был главным обвиняемым на суде. Его приговорили к смертной казни. Он вел себя во время процесса героически: отказывался отвечать на вопросы на польском языке и, зная, чем ему это грозит, тем не менее, каждое выступление использовал, чтобы огласить политическую программу. Если вы следили за процессом Надежды Савченко, это примерно то же самое. Судебный процесс моментально сделал из Бандеры героя. Он стал узнаваемым, символом бескомпромиссности. Смертную казнь Бандере заменили пожизненным заключением и отправили в концлагерь Береза-Картузская в Западной Белоруссии, где он пробыл до 1939

года, до распада Польши вследствие немецкой агрессии и советской аннексии Западной Белоруссии и Украины.

Пользуясь ситуацией общего хаоса, осенью 1939 года Бандера выбрался из лагеря и оказался в Кракове, подальше от советской зоны оккупации. В Кракове он доводит бунт против старших до окончательной стадии: раскола ОУН на два враждующих крыла – «бандеровцев», ОУН(б), и старших «мельниковцев», ОУН(м), по фамилии лидера старших националистов Андрея Мельника. В 1941 году, в первые дни войны Германии против Советского Союза, отряды бандеровцев в форме немецкой армии вошли во Львов и 30 июня 1941 года провозгласили Украинское государство. Правительство возглавил не сам Бандера, а его друг Ярослав Стецько. Для многих тогдашних украинцев – я помню по рассказам родителей и моих старших знакомых – это был очень большой праздник, возможно, самый счастливый день в их жизни.

Но имелась и обратная сторона: на следующий день во Львове прошли крупные еврейские погромы. Непосредственным поводом послужил тот факт, что советские спецорганы, оставляя город, уничтожили в тюрьмах всех заключенных, многие из которых были арестованы в первые дни войны из-за подозрений в антисоветскости. Это событие наложилось на сильные антисемитские настроения, возросшие во время советской оккупации (1939–1941): согласно представлению о советской власти как «жидокоммуне» – евреи считались виноватыми в советских репрессиях.

Организация украинских националистов отрицала свою причастность к погромам, перекладывая вину на люмпен-пролетариат (так называемое «шумовиння»). Недавно американские исследователи очень убедительно доказали, что причастные к этим погромам были сотрудниками украинской полиции и, скорее всего, членами ОУН(б), – вряд ли можно было попасть в украинскую полицию без согласия ОУН(б). До сих пор не очень ясно, погромы проходили в соответствии с общим настроением в ОУН(б) или по собственной инициативе. Скорее всего, и то и другое. Не исключено, что ОУН(б) хотелось доказать нацистам свою эффективность и эффективность своего государства, начиная с очищения его от евреев.

В 1943 году в немецком тылу возникает Украинская повстанческая армия (УПА), руководство над которой берет ОУН(б). И первой акцией этой армии становится Волынская резня – массовое уничтожение польского населения Волыни.

После прихода советской власти в 1944 году и до начала 1950-х (а в отдельных случаях даже до 1960-х) УПА ведет вооруженную борьбу против этой власти. Джон Армстронг в своей книге *Ukrainian Nationalism* называет деятельность УПА примером самого массового антикоммунистического сопротивления в Восточной Европе вплоть до будапештского восстания 1956 года. Сейчас именно этот момент – борьба УПА против советской власти и России – преобладает в памяти в Западной Украине как героический момент истории.

Хотя ОУН и доминировала в УПА, эта армия не была однородной. Но все участники УПА, независимо от того, к какой группе они принадлежали, назывались бандеровцами – даже те, которые потом выступали против него. Ирония заключалась в том, что все эти годы Бандера не имел прямого отношения к бандеровцам. Нацисты его арестовали сразу после провозглашения Украинского государства, поскольку создание такого государства не входило в планы Гитлера. На Бандеру пытались надавить, чтобы он отменил данное решение, но он был бескомпромиссен в этом вопросе. Сначала Бандера находился под домашним арестом, потом в тюрьме. Большую часть войны он провел в концлагере Заксенхаузен – правда, не как обычный узник, а в числе тех политических заключенных, которых немцы держали отдельно, как заложников. Евгений Стахив, который был близким другом Бандеры, а потом, как это нередко случается, его врагом, рассказывал, что сразу после освобождения Бандеры он пришел к нему – брат Стахива сидел вместе с Бандерой – и тот был очень удивлен его сообщением, что существует целая армия, носящая его имя.

В итоге это привело к ситуации, когда Бандере приписывают преступления, которые он лично не совершал, и подвиги, к которым он не имеет отношения. Конечно, это не значит, что он не имел к первым или ко вторым *косвенного* отношения. Но эта особенность очень хорошо иллюстрирует, что даже при жизни, причем в сравнительно молодом возрасте, он играл более значительную роль как символ, чем как конкретный человек.

После войны Бандера оказался в Баварии, в Мюнхене, под именем Степан Попель. КГБ его искало. Но у КГБ была фотография только 30-х годов, и поэтому его не могли идентифицировать. Бандера «раскрылся» в 1958 году, когда отмечали 20-ю годовщину смерти Евгения Коновальца, убитого НКВД. Бандера публично выступил на митинге под своим именем. В следующем, 1959 году его убил агент КГБ Богдан Сташинский, происходивший, кстати, из Западной Украины. Сначала не было доказательств, что это убийство организовало КГБ. Советская версия намекала, что Бандеру как опасного свидетеля убрали западные спецслужбы. Но через некоторое время Сташинский из-за личных обстоятельств бежал в Западную Германию и там признался в убийстве. Его осудили на 8 лет, из которых он отсидел только половину, а потом – предположительно с помощью американских спецслужб взамен на информацию о КГБ – был освобожден и переселен в страну, в которой он мог чувствовать себя в безопасности (предполагают, что в Южную Африку). Возможно, он еще жив. Сейчас даже появилось его фейковое интервью.

За два года до убийства Бандеры Сташинский убил другого лидера ОУН(б) Льва Ребета. Ребет был близким другом Бандеры со времен обучения в гимназии, но после войны разошелся с ним политически. Ребет представлял ту часть бандеровцев, которая во время войны была в Украине и УПА и в последние годы войны сделала поворот «налево» и эволюционировала – по крайней мере, на словах – в сторону социал-демократии. Главной причиной послужило – опять же по их словам – убеждение, что жители Восточной Украины, где бандеровцы пробовали создать свое подполье, не принимают логику и риторику украинского интегрального национализма. Они называли себя «двийкарями». Бандера их резко осудил, подозревая в том, что они советские агенты. Как и многие из тех, кто лично знал Бандеру, Лев Ребет из друга превратился во врага. Характерно, что Ребета никогда не вспоминают во время празднований ОУН-УПА. Официальная «троица» украинских националистов состоит из Евгения Коновальца, Романа Шухевича, главнокомандующего УПА, ликвидированного советскими спецподразделениями в 1950-м, и самого Бандеры. Но из троих Бандера является главным символом украинского национализма.

Бандера в исторической политике и общественном мнении Украины в 1991–2013 годах

В Советском Союзе бандеровцев считали врагами. Но фамилия Бандеры при этом очень редко упоминалась. Само упоминание его фамилии считалось скрытой пропагандой украинского национализма. В этом отношении Бандера напоминал *Волдеморта* из «Гарри Поттера», имя которого нельзя было произносить. Это привело к парадоксальной ситуации, когда было известно, кто такие бандеровцы, но не было известно, кто такой Бандера. Последствия такого подхода заметны сейчас среди россиян или русскоязычных: они очень часто называют бандеровцев бендеровцами (по аналогии с Остапом Бендером, героем Ильфа и Петрова, или названием города Бендеры).

В СССР по отношению к прошлому, которое не помещалось в советский канон истории, проводилась жесткая политика амнезии. Это была генеральная линия. Она, однако, варьировалась в различные времена (определенные фамилии извлекались из небытия или исчезали снова) и по-разному проводилась в разных республиках. Советская Украина, кажется, представляла собой наиболее экстремальный пример. Это, в частности, показывает историческая политика относительно Холокоста. В официальной истории СССР не было упоминаний не то что об этой катастрофе, но даже о самих евреях – как

будто в Украине их вообще никогда не существовало. То же самое относилось и к истории ОУН-УПА в целом и к таким событиям, как антиеврейский погром во Львове летом 1941 года или Волынская резня – хотя, понятно, использование этих сюжетов было бы исключительно удобным, чтобы показать античеловеческий (согласно советской риторике) характер украинского национализма.

После распада СССР и провозглашения независимости Украины в 1991 году украинское правительство пробовало создать и активизировать национальную версию прошлого – альтернативную советской. Но активизация была не единственным направлением украинской политики исторической памяти. Она состояла и до сих пор состоит из трех направлений. Я называю их три «а»: амнезия, активизация, амбивалентность. Нет и не было ни одного украинского президента или правительства, которые не пытались бы – конечно, в разной мере – реализовать одновременно все три направления.

Сразу после провозглашения украинской независимости, во время правления Леонида Кравчука, были попытки активизации памяти о националистическом движении. Но они были, скорее, скромными. Образ Бандеры в них активно не присутствовал.

Присутствовала тема УПА как борцов против советского режима. Ее даже ввели в школьный учебник: УПА посвящались несколько абзацев, и там она характеризовалась достаточно положительно. Это вызвало сильное сопротивление коммунистов. Они требовали в парламенте, чтобы учебник изъяли. Но учебник продолжал существовать. В отличие от России, в Украине государство не имеет большого, тем более решающего, влияния на общественное мнение. С конца 1980-х здесь функционировало достаточно сильное гражданское общество, которое было представлено «Рухом» и другими национальными/националистическими организациями в Галичине и рабочим движением в Донбассе. Кроме того, также в отличие от России, в Украине влияние оказывала зарубежная диаспора – украинцы, живущие в Европе, Канаде и США, – в которой «бандеровцы» имели очень сильные позиции. Поэтому, вне зависимости от официальной политики Киева, среди украиноязычной интеллигенции и украиноязычной Западной Украины – части страны, аннексированной СССР в 1939–1941 годах и являвшейся главной территорией деятельности ОУН-УПА, – активизировался национальный дискурс, в котором Бандера занимал центральное место. Этот дискурс не был однородным. Националистическое направление – то, которое считало себя прямым последователем ОУН-УПА, составляло в нем маргинальную часть. Но его главный символ, Степан Бандера, принимался также национал-демократическим крылом, хотя идеологически ближе было то крыло ОУН, которое в конце и после войны эволюционировало «влево» («двийкари»). Эти идеологические различия, однако, становились незаметны в тени образа Бандеры, а к самому этому образу, как и к образу ОУН-УПА, прививалось не критическое отношение.

Крайне критическое отношение к Бандере и ОУН-УПА как к нацистским коллаборационистам и фашистам было распространено среди русскоязычной восточной части Украины. В значительной мере это отношение отображало старый советский дискурс прошлого, в котором история Второй мировой войны представлялась как история Великой Отечественной войны.

Эти дискурсы – национальный (националистический) и пост- (или модифицированный) советский с сильными элементами российской имперской идеологии – были взаимоисключающими. Географическими центрами этих дискурсов являлись два полюса украинской политики – с одной стороны, столица Галичины Львов, который полушутя-полусерьезно называли Бандерштадтом (городом Бандеры), и, с другой стороны, столица Донбасса Донецк, где доминировала советская версия прошлого, включая культ Сталина. Острый экономический и политический кризис привел в 1993 году к досрочным президентским и парламентским выборам. Во время них впервые четко проявился образ «расколотой страны» – разделенной на украиноязычный Запад и русскоязычный Восток. На президентских выборах победил представитель Востока Леонид Кучма. Но, как в

период президентской кампании, так и в период его правления (1994–2004), активизация исторической памяти практически не проводилась. Главной в политике Кучмы была амбивалентность. Например, «Книгу памяти» с именами жителей Украины, погибших во Второй мировой войне, издали с двумя предисловиями Кучмы – одно для Западной Украины, в котором был больше представлен национальный дискурс, другое для Восточной, написанное в советском ключе (Великой Отечественной войны). По ошибке книгу с Восточной Украины направили в Западную, где она вызвала большие протесты. Тогда западным украинцам сказали примерно так: «Извините, вы напрасно возмущаетесь – это не та книжка, она не для вас».

Амбивалентность политики Кучмы состояла в попытке интегрировать одновременно отдельные элементы как национального, так и советского дискурса, но при этом избегая тех исторических фигур или событий, которые порождали бы антагонизм между западной, украиноязычной, и восточной, русскоязычной, частями Украины. Кучма говорил людям то, что им хотелось слышать, и не говорил то, что их раздражало. Бандера раздражал. О Бандере не говорилось.

Первая общественная дискуссия о Бандере и УПА состоялась в Украине в 2003-м, в очередную годовщину Волынской резни. В открытый антагонизм дискуссия вокруг прошлого переросла во время президентской кампании 2004 года и последовавшей за ней Оранжевой революции. Образ Бандеры и УПА активно использовался обеими сторонами – приверженцами Януковича из Партии регионов для демонизации Ющенко как «нашиста» (от «Нашей Украины» – избирательного блока партий, созданного вокруг Ющенко; в этом контексте созвучного с «фашистом»), с одной стороны, и для мобилизации национального и националистического электората против Януковича, с другой.

Хотя после своей победы Ющенко пробовал примирить воинов УПА и Красной Армии, эти попытки были безуспешными. В украинском публичном пространстве и дискурсе доминировал язык ненависти. В частности, он очень отчетливо проявился во время телешоу «Великі українці» (2008), когда зрители путем голосования выбирали наиболее выдающихся украинцев. Яблоком раздора оказалась как раз фигура Степана Бандеры. Во время голосования он набрал наибольшее количество голосов. Но за день до окончания голосования один из лидеров Партии регионов, Дмитрий Табачник, организовал путем манипуляций победу своего исторического кандидата – Ярослава Мудрого.

В начале 2010 года, после первого тура президентских выборов, Виктор Ющенко, уже зная, что проиграл эти выборы, дал Бандере звание Героя Украины. Виктор Янукович, победив на выборах, этот указ отменил. Причем не лично, а решением Донецкого суда. И не потому, что Бандера коллаборационист или фашист, а по техническим причинам: звание Героя присваивается только гражданам Украины, а Бандера украинским гражданином не был. Сам Янукович старался избегать личной оценки деятельности Бандеры и УПА. Это брало на себя наиболее пророссийское крыло в Партии регионов, включая Табачника, который занял должность министра образования Украины. От первого (2004) до второго (2013–2014) Майдана Бандера пребывал в центре публичных дискуссий о прошлом страны. Примеров и случаев здесь слишком много, чтобы детально их проанализировать. Тем, кто интересуется этим вопросом, можно посоветовать биографию Степана Бандеры, которую написал молодой польско-немецкий историк Гжегож Россолински-Либе (советую читать эту биографию главным образом ради фактографии, поскольку авторская интерпретация этих фактов сравнительно слабая и нередко очень предвзятая).

Бандера после Евромайдана и российской агрессии в Украине

Что случилось на Евромайдане? Второй Майдан перенял лозунг УПА «Слава Украине! Героям слава!», что сразу привело к разговорам: «Майдан – националистический, потому

что у него лозунг националистический». Представление Майдана как националистического, а его участников как бандеровцев активно использовалось и продолжает использоваться в официальной пропаганде Кремля, а также сепаратистских Донецкой и Луганской народных республиках как главное доказательство, что в Киеве к власти пришла «фашистская хунта».

Я не буду здесь опровергать эту пропаганду, потому что считаю это бесполезной тратой времени. Умный человек знает цену кремлевской пропаганде, а здесь собрались умные люди. Я также не собираюсь отрицать роль украинских националистов на Евромайдане или в правительстве. К примеру, Андрей Парубий, глава украинского парламента, в 2002 году был главой оргкомитета по сооружению памятника Бандере во Львове. Чтобы не терять время, я сведу свое мнение по этому вопросу к одному предложению: без украинских националистов Евромайдан, скорее всего, не победил бы, оставшись большим хэппенингом (как протесты Оккупай в Нью-Йорке или на Болотной в Москве), но украинские националисты не смогли победить Евромайдан: и во время протестов, и после их завершения они, если судить по результатам выборов и социологическим опросам, остаются достаточно маргинальной силой.

Чтобы показать сложность ситуации, ограничусь двумя примерами. Пример первый: ОУН-УПА имела два лозунга. Один более умеренный – «Слава Украине! Героям слава!», другой – антагонистический и ксенофобский: «Слава нации! Смерть врагам!». Была попытка на Евромайдане использовать два лозунга, но прижился только первый, второй не взяли. Второй пример: в январе, во время первой эскалации напряженности на Майдане, портрет Бандеры оказался на главном штабе восставших, здании городской администрации Киева. Однако этот портрет провисел только несколько часов, и его пришлось снять, поскольку большинство лидеров Майдана было против использования Бандеры в качестве главного символа. Он был заменен общенациональным и более нейтральным символом – портретом Тараса Шевченко.

Вопреки ожиданиям, Бандера после победы Евромайдана не стал общенациональным героем. Социологические опросы показывают: количество людей, считающих Бандеру национальным героем или положительно относящихся к нему, несколько увеличилось.

Источник: «Ностальгія за СРСР та ставлення до окремих постатей», 05.05.2014, http://ratinggroup.ua/research/ukraine/nostalgiya_po_ussr_i_otnoshenie_k_otdelnym_lichnostyam.html

Тем не менее, Бандера остается региональным героем – в Галиции и Волыни.

Источник: Результати загальнонаціонального соціологічного опитування, проведеного в рамках проекту «Започаткування національного діалогу в Україні», http://icps.com.ua/assets/uploads/files/nd_opinion_poll_1_part_ua.pdf (опрос был проведен 25.12.2014-15.01.2015). Карту составил Орест Друль. Публикується с его разрешения.

Это видно и по географии памятников Бандере и улиц, названных его именем. В подавляющем числе случаев это география ограничивается Западной Украиной, причем главным образом той частью, которая в прошлом была австрийской или польской. В соседней Закарпатской области, которая была под венгерской и чехословацкой властью, нет ни одного такого памятника или такой улицы. В остальной части Украины памятников Бандере не появилось, зато появилось несколько площадей или улиц в Киеве и в отдельных городах Центральной Украины.

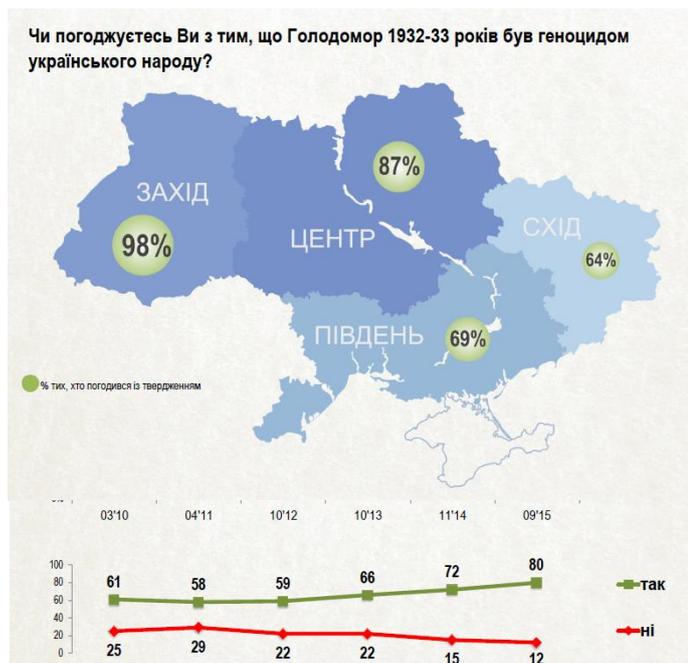
Большая часть Украины не воспринимает Бандеру как национального героя. Память о нем и теперь разделяет Украину на две части. Потому, если вы хотите видеть две Украины, начинайте говорить о Бандере.

Однако если вы хотите видеть одну Украину, говорите о Сталине. Практически все регионы, за исключением Донбасса, относятся к Сталину отрицательно или очень отрицательно.

Источник: Результати загальнонаціонального соціологічного опитування, проведеного в рамках проекту «Започаткування національного діалогу в Україні», http://icps.com.ua/assets/uploads/files/nd_opinion_poll_1_part_ua.pdf (опрос был проведен 25.12.2014-15.01.2015). Карту составил Орест Друль. Публикується с его разрешения.

В Украине, в отличие от России, Сталин не считается архитектором победы во Второй мировой войне и человеком, поднявшим страну с колен. Имя Сталина в Украине связано, в первую очередь, с голодом. Политика Ющенко практически во всех направлениях была катастрофической. За одним исключением – политики исторической памяти о голоде. После принятия в 2006 году парламентом закона «О Голодоморе в 1932–1933 гг. в Украине» в течение нескольких последующих лет в обществе сложился общенациональный консенсус о том, что а) голод был, б) он имел организованный характер и в) характер геноцида. Успех политики исторической памяти о голоде объясняется довольно легко: это тот случай, когда официальная версия истории резонирует с личной (семейной) памятью большинства украинцев, включая русскоязычные области Востока и Юга Украины.

Источник: «Динаміка ставлення до Голодомору. Листопад 2015», 24.11.2015, http://ratinggroup.ua/research/ukraine/dinamika_otnosheniya_k_golodomoru_noyabr_2015.html

Различие в отношении к Бандере и Сталину показывает, что ситуация в Украине с исторической памятью не является такой безнадежной, как может показаться на первый взгляд. Она оставляет пространство для маневра и разумной политики памяти. Она также подсказывает возможный сценарий для такой политики: успешная историческая политика памяти в Украине может быть построена не на героях, которые, как Бандера, разъединяют, а на жертвах, которые объединяют.

Но главным антигероем в Украине является даже не Бандера и не Сталин. После аннексии Крыма эту роль исполняет Путин.

Источник: Результаты загалнонаціонального соціологічного опитування, проведеного в рамках проекту «Започаткування національного діалогу в Україні», http://icps.com.ua/assets/uploads/files/nd_opinion_poll_1_part_ua.pdf (опрос был проведен 25.12.2014-15.01.2015). Карту составил Орест Друль. Публикується с его разрешения.

Чувство к нему в Украине можно назвать не иначе, как ненавистью. И, что очень важно, это отрицательное отношение сформировалось на протяжении последних лет, после Евромайдана и российской агрессии. До того общий баланс в отношении к нему был, скорее, положительным.

Источник: “Ставлення українців до світових лідерів. 10.02.2016”, http://ratinggroup.ua/research/ukraine/otnoshenie_ukraincev_k_mirovym_lideram_yanvar_2016.html

Это приводит нас к следующему выводу: историческая память в Украине в значительной мере ситуативная и является результатом не столько исторической политики, сколько определенных политических обстоятельств, которые к памяти имеют очень слабое отношение.

Этот вывод очень важен для того, чтобы оценить деятельность теперешнего Института национальной памяти. Он был создан после победы первого Майдана, а после второго его возглавил молодой историк из Львова Владимир Вятрович, который очень активно продвигает националистическую модель памяти. В частности, его научные труды имеют целью приуменьшить ответственность ОУН за антиеврейские погромы и Волынскую резню. Институт национальной памяти и Вятрович подготовили закон «О правовом статусе и чествовании памяти борцов за независимость Украины в XX веке». Этот закон признает членов ОУН и УПА борцами за украинскую независимость и предусматривает ответственность (правда, не уточняет, какую именно) за отрицание этого факта. Хотя Институт национальной памяти является государственным, его нельзя назвать выразителем официальной линии, поскольку такой линии не существует. Здесь будет достаточно двух примеров, связанных с Петром Порошенко. В конце прошлого года, выступая в Кнессете, он извинился за тех украинцев, которые принимали участие в Холокосте. Это заявление было остро раскритиковано Олегом Ляшко, лидером Радикальной партии – одной из тех партий, которая была на стороне Евромайдана. Ляшко назвал это извинение «национальным позором». В нынешнем году, во время визита в Варшаву, совпавшего с годовщиной резни в Волыни, Порошенко сделал символический жест – хорошо угадывается, откуда этот жест, – встал на колени перед памятником польским жертвам. Как и в предыдущий раз, этот жест был осужден Олегом Ляшко. В Украине не было и нет единого официального исторического дискурса, как нет и доминирующей исторической политики. Такое «многоголосие» или даже такая амбивалентность украинской политической элиты соответствует состоянию общественного мнения. Достаточно сказать, что 40% тех, кто считает Бандеру героем, одновременно относятся положительно к Петру Первому – одному из главных героев российского имперского дискурса. С другой стороны, Бандера стал популярным среди значительной части русскоязычного населения Востока Украины – что еще раз показывает, что ни «русскоязычное население», ни «Восток Украины» не являются гомогенными понятиями. Более того, во время Евромайдана появилась достаточно выразительная и многочисленная группа, которую полшутя-полусерьезно называют «жидобандеровцами», – это украинские евреи, солидаризовавшиеся с протестующими. Характерно, что именно лидеры этой группы были в числе тех, кто готовил текст выступления Порошенко в Кнессете, а также принимал активное участие в подготовке 75-летия с момента массового расстрела киевских евреев в Бабыем Яру (сентябрь 1941-го). В этом расстреле, как и в случае львовского погрома летом 1941 года, принимали участие украинцы.

Вместо заключения: Третья Украина как альтернатива?

Украинская ситуация очень сложная. И в этом ее главная прелесть, поскольку сложность ситуации создает поле для умного маневрирования и возникновения новых сценариев. Среди последних я особенно выделил бы появление нового дискурса – так называемой третьей Украины, Украины центра, как географического, так и идеологического, – не националистического, не советского, а либерального. Его социальную базу составляет новый средний класс – в основном молодые и образованные люди, живущие в больших городах: Киеве, Днепропетровске, Одессе, Харькове и даже Львове. В частности, в этом дискурсе очень четко прослеживается новая тема – тема примирения. Как и все другие дискурсы, он далек от доминирования. Но, что важно, его представляют очень узнаваемые в Украине фигуры – такие, как Сергей Жадан, известный украинский писатель, герой Евромайдана в Харькове (во время которого он был жестоко избит антимайдановцами), и главная рок-звезда Украины, лидер наиболее популярной группы «Океан Эльзы» Святослав Вакарчук, который родом из Львова, но живет в Киеве и принимал активное участие в киевском Евромайдане. Эта «третья Украина» не считает Бандеру своим героем.

Но в то же время не осуждает ни его, ни его врагов, поскольку полагает, что обе группы имеют право на свои символы памяти и свои памятники, в той мере, в какой они осознают, какие преступления и ответственность связаны с теми историческими фигурами, которых они считают своими.

Эта точка зрения удивительным образом совпадает с подходом, который еще до распада Советского Союза сформулировал североамериканский историк Иван Лысяк-Рудницкий (1919–1984), родом из Львова, из смешанной украинско-еврейской семьи, а в послевоенной эмиграции – один из главных идеологов украинского либерального течения. Он призывал к синтезу антагонистических политико-идеологических направлений как к настоятельной необходимости для Украины в силу ее геополитической уязвимости и внутренней разобщенности, чреватой угрозой гражданской войны. Лысяк-Рудницкий писал:

«Необходим такой же способ мышления, который делает возможным иметь в Лондоне одновременно памятники Карлу I и Оливеру Кромвелю. Такое отношение не означает, что нельзя критиковать отдельные личности, группировки или идеи или занимать какую-то четкую позицию по спорным вопросам. Но оно требует всеохватывающего подхода, при котором прошлые и современные духовные и материальные достижения нации рассматриваются как общее достояние, а не как заслуга какой-то одной фракции. И, наоборот, это также предполагает готовность взять на себя часть моральной ответственности за ошибки и недостатки своей нации, даже если их допустили отдельные группы и личности».

Я долгие годы занимаюсь популяризацией Лысяка-Рудницкого. Издал и прокомментировал его труды в Украине, а также вместе с моими польскими и российскими коллегами издал их переводы в Польше и России. Его предложения относительно политики в Украине мне кажутся особенно продуктивными. Меня нередко критикуют за такой поход: более агрессивно – украинские националисты (одно время они требовали моего увольнения из университета, и я получал от них угрозы расправы) и менее агрессивно – некоторые мои западные коллеги (включая Россолинского-Либе), которые считают, что я, как и другие украинские либералы, проявляю слабость и не в силае отказаться от националистического наследия вместе с его главным символом – Бандерой. По существу, речь идет о применении в Украине той немецкой модели исторической памяти, которая сложилась после революций 1968-го и 1989 года и которая состоит в безоговорочном осуждении наследия и нацизма, и коммунизма. За исключением стран Балтии, среди бывших республик СССР Украина является лидером в искоренении памяти о коммунизме – и переломным в этом отношении был Евромайдан. Но новая, послемайданная Украина не спешит с осуждением тех групп, которые коллаборационировали (пусть даже временно и условно) с нацизмом и несут ответственность (пусть даже непрямо) за Холокост в Украине и (более прямо) за Волынскую резню.

В своем выступлении я старался показать сложность украинской ситуации. Показать, что эта сложность несет в себе определенные угрозы, но в то же время определенные шансы. В связи с этой сложностью я считаю, что не существует готовой модели исторической политики, которая могла бы быть применена к Украине – включая и немецкую модель. В конце концов, эта модель не сработала ни в одной стране бывшего социалистического лагеря. Но в Украине она не сработала по особым причинам. В связи с латентной русской угрозой, которая, как оказалось в 2014 году, не является только вымыслом украинских националистов, Украина требует хотя бы необходимый минимум общенационального консенсуса для того, чтобы выжить и выстоять. Говоря словами того же Лысяка-Рудницкого, «гражданская война для Украины – непозволительная роскошь». А

предотвращение угрозы гражданской войны и необходимость консенсуса предполагают союз с временными попутчиками (или, как говорят по-английски, *strange bad-fellows*) – в том числе с украинскими националистами.

В связи с этим моя позиция проста: я не считаю Бандеру своим героем, но я считаю, что он имеет право существовать как часть украинского исторического мифа – в той мере, в какой он является символом украинского сопротивления, а не ксенофобии и антисемитизма. В этом, как мне кажется, моя позиция близка не только позиции Ивана Лысяка-Рудницкого, но и позиции Сергея Жадана, Вячеслава Вакарчука, а также Яна Гросса и Костки Герберта. Только когда я буду видеть, что он используется главным образом как символ ксенофобии, я буду считать, что его миф переступил опасную черту, а поэтому требует лечения.

Конечно, эта позиция не идеальная и не гарантирует успеха. Но я полагаю, что главный успех в преодолении прошлого измеряется не переименованием улиц или законами о политике исторической памяти. Прошлое преодолевается модернизацией, то есть радикальными политическими и экономическими реформами. Может, я преувеличиваю или ошибаюсь, но опыт путинской России и ющенко-януковичевской Украины убеждает меня в том, что, чем меньше успеха или даже есть отказ от модернизации, тем больше политики исторической памяти. Наши разговоры об исторической памяти тем и опасны, что мы без достаточных на то оснований считаем, что она играет очень важную, чуть ли не главную роль в преодолении прошлого. И это еще одна причина, почему я не слишком люблю говорить на эту тему.